

Отечественная война и русское общество
1812-1912. Том 6

УДК 93
ББК 63.3
О-82

О-82 Отечественная война и русское общество: 1812-1912. Том 6 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 248 с.

ISBN 978-5-518-05468-4

ISBN 978-5-518-05468-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

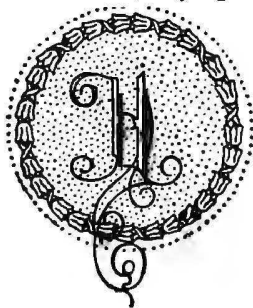

Эпизодъ изъ отступленія (Вайса).

Франція безъ Наполеона.

И. М. Хераскова.

1. Внутреннее состояніе Франціи въ моментъ отъезда Наполеона.

Задолго до отъезда изъ Парижа въ маѣ 1812 г. Наполеонъ обратился съ конфиденціальнымъ письмомъ къ вліятельнымъ представителямъ общества, желая узнать ихъ мнѣніе о внутреннемъ состояніи страны. Судя по тому, что говоритъ о полученныхъ Наполеономъ отвѣтахъ Савари, бывшій въ то время министромъ полиціи, можно думать, что они были далеко не успокоительнаго свойства. «Слишкомъ многіе люди, — пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ по поводу этихъ отвѣтовъ, — или боятся говорить о неприятныхъ

вещахъ или не умѣютъ сказать о нихъ иначе, какъ въ неприятой формѣ» ¹⁾).

Мало успокоительнаго вынесъ Наполеонъ и изъ своего послѣдняго разговора съ префектомъ полиціи Паскъэ наканунѣ отъѣзда. Паскъэ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾, что въ отвѣтъ на его докладъ Наполеонъ, послѣ долгаго раздумья, сказалъ: «Все это правда, и тутъ еще одна трудность, кромѣ массы другихъ, которые ждутъ меня въ этомъ крупнѣйшемъ и опаснѣйшемъ предпріятіи, на которое я когда-либо рѣшался».

Едва ли когда-либо досель Наполеонъ съ большей тревогой оставлялъ свое государство. Придворные балы, маскарады и спектакли, которыхъ въ теченіе зимы 1811—1812 года было дано небывалое количество, должны были, повидимому, маскировать эту тревогу отъ посторонняго взора. Своимъ же приближеннымъ, въ родѣ Савари, онъ нѣсколько разъ повторялъ передъ отъездомъ: «Огромную услугу оказалъ бы мнѣ тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны». (Duc de Rovigo. Mém., VI, 226).

Главная причина тревоги Наполеона заключалась въ тяжеломъ экономическомъ положеніи страны, въ тѣсной связи съ которымъ находилось тревожное настроеніе народа. Континентальная система, введенная Наполеономъ въ угоду французскимъ промышленникамъ и какъ средство сокращенія могущества Англии, повредивъ интересамъ этой послѣдней, еще большій экономическій ущербъ нанесла, въ конечномъ счетѣ, континентальной Европѣ и самой Франціи. Недостатокъ и дороговизна сырья довела французскую промышленность до тяжелаго кризиса; многіе изъ солидныхъ фирмъ потерпѣли крахъ, остальные держались казенными субсидіями. Обороты внѣшней французской торговли за пять лѣтъ до 1811 года понизились въ 1½ раза ³⁾. Недовольство капиталистовъ не оставалось для Наполеона тайной; незадолго до отъѣзда онъ въ слѣдующихъ энергичныхъ выраженіяхъ отчиталъ вызванныхъ къ нему представителей торгово-промышленнаго класса: «Вы толкуете между собой, что я не больше какъ солдатъ и, кромѣ своего ремесла, ничего не знаю, что я мало смыслю въ торговль, что изъ окружающихъ меня также никто не способенъ подать мнѣ разумный совѣтъ, и что мои крайнія мѣры разорили все. Всѣмъ этимъ вы доказываете, что сами ничего не понимаете въ торговль и промышленности. Вы думаете, что состоянія наживаются въ одинъ день, какъ одно сраженіе рѣшаетъ иногда судьбу всей войны?.. Я-то лучше знаю ваши дѣла, чѣмъ вы мои» ⁴⁾).

Наибольше тяжело экономическій кризисъ отражался, конечно, на положеніи малоимущаго и рабочаго класса... Остановка промышленныхъ предпріятій и затрудненія транспорта вели къ безработицѣ и страшной дороговизнѣ жизни, при чемъ къ болѣе длительнымъ причинамъ кризиса прибавилось случайное, въ видѣ крупнаго недорода 1811 года. Хлѣбныя цѣны росли съ ужасающей быстротой: въ 1809 году за гектолитръ пшеницы платили въ среднемъ 15 франковъ, а въ 1812 г. средняя цѣна пше-

¹⁾ Sovary. (Duc de Rovigo). Mémoires, т. V, p. 227.

²⁾ Pasquier. Histoire de mon temps, т. I, p. 525.

³⁾ Cp. Lavissee et Rambaud, т. IX, 412. Histoire Socialiste, VI, 522 и слѣд.

⁴⁾ Histoire Socialiste, VI, 531.

ницы возросла до 34 фр., а въ отдѣльныхъ случаяхъ до 60 и 75 фр. за гектолитръ. Въ нехлѣбородныхъ мѣстностяхъ сельское населеніе вмѣсто хлѣба въ 1812 году питалось уже отрубями и лебедой¹⁾. На почвѣ безработицы и дороговизны жизни уже въ концѣ 1811 года начали вспыхивать по мѣстамъ рабочіе беспорядки, а въ началѣ 1812 г. броженіе проявилось и въ Парижѣ; для поддержанія умѣренныхъ цѣнъ на печеный хлѣбъ правительство стало выдавать здѣсь пособіе булочникамъ, хотя это и вело къ вздорожанію муки и другихъ продуктовъ; въ февраль пришлось раздавать парижскому населенію даровой хлѣбъ и устраивать дешевыя столовыя. Въ провинціи броженіе принимало еще больше крупныя

размѣры, такъ какъ на провинцію экономическія мѣропріятія правительства долгое время не распространялись. Жестокость, съ которою правительство Наполеона подавляло малѣйшее проявленіе того броженія, ясно показывала, однако, какую тревогу оно въ немъ вызывало. И чисто полицейскія и экономическія мѣры Наполеона носили одинаково деспотическій характеръ, и направлялись не только на «бунтовщиковъ», но и на главную опору наполеоновской монархіи—землевладѣльцевъ. Въ своемъ стремленіи покончить до своего отъѣзда съ беспорядками, возникавшими на почвѣ продовольственнаго вопроса, онъ готовъ былъ показать себя чуть ли не социалистомъ: «Собственники, — говорилъ онъ, — никогда не бываютъ въ согласіи съ народомъ, и первая обязанность государя, не слушая ихъ софизмовъ, стать на сторону народа»²⁾.

¹⁾ См. Lavalley. Napoléon et la disette de 1812.

²⁾ Art. Guillois. Napoléon, т. II, p. 191.

Наибольше яркимъ проявленіемъ народнаго недовольства были мартовскіе беспорядки въ городъ Канъ (Caen) въ Нормандіи. 9 марта огромная толпа, собравшись на рынокъ, стала шумѣть и кричать по поводу дороговизны хлѣба. Когда префектъ вмѣстѣ съ другими властями попытался успокоить кричавшихъ, они осыпали его оскорбленіями. Вечеромъ толпа чуть не разгромила сосѣднюю мельницу—разбила тамъ окна и разсыпала мѣшки съ зерномъ. Къ ночи беспорядки прекратились, однако, сами собой, и утромъ городъ принялъ обычный видъ. Мѣстныя власти отнеслись къ событіямъ довольно благодушно: префектъ расклеилъ воззваніе, упрекавшее населеніе за то, что оно поддавалось убѣжденіямъ корыстныхъ вожаковъ, епископъ въ пастьерскомъ посланіи напомнилъ своимъ пасомымъ о Богѣ, питающемъ небесныхъ птицъ, и всѣ думали, повидимому, что этимъ все дѣло и кончится. Но центральныя власти разсудили иначе: въ Парижѣ было рѣшено «примѣрнымъ образомъ наказать бунтовщиковъ», и въ Канъ былъ командированъ, снабженный обширнымъ полномочіемъ, адъютантъ императора графъ Дюронель съ четырьмя тысячами солдатъ и огромной арміей сыщиковъ. Съ ихъ прибытіемъ въ городъ воцарился настоящій терроръ. Обыватели не смѣли показываться на улицахъ; тюрьмы наполнились арестованными. Организованный наскоро военный судъ 14 марта уже вынесъ свой жестокій приговоръ, осудившій 8 человекъ (въ томъ числѣ 3 женщины) на смертную казнь, 8 на каторжныя работы и 9 въ долготѣнную тюрьму. Вслѣдъ за тѣмъ было рѣшено терроризировать и землевладѣльцевъ. Въ апрѣлѣ министерство разослало префектамъ циркуляръ, предписывавшій имъ обязать всѣхъ фермеровъ и собственниковъ земли доставлять на рынокъ определенное количество хлѣба для продажи его по предписанной имъ таксѣ. «Если, — говорилось въ циркулярѣ, — вы встрѣтите со стороны землевладѣльцевъ сопротивленіе, то растолкуйте имъ, что такова воля самого монарха, и что она клонится къ ихъ собственнымъ интересамъ: указанныя мѣры предупреждаютъ беспорядки и проявленіе необузданности, которыми всегда сопровождается продовольственная нужда, и которыя легко могутъ нарушить спокойствіе тѣхъ, кто не захочетъ содѣйствовать этому акту чловѣколюбія и патриотизма».

Наканунъ своего отъѣзда Наполеонъ посредствомъ императорскаго декрета облекъ эти мѣры въ форму закона, хотя большинство министровъ и настаивали на ихъ нецѣлесообразности. «Это былъ прощальный жестъ по адресу бѣднѣйшей части народа, — замѣчаетъ по этому поводу Паскъэ¹⁾, — при помощи этой мѣры онъ хотѣлъ на время отсутствія обезпечить себѣ ее спокойствіе».

Принудительное снабженіе хлѣбомъ рынка вызвало со стороны помѣщиковъ и крестьянъ такое упорное сопротивленіе, что уже въ августѣ всѣ предписанныя циркуляромъ и императорскимъ декретомъ мѣры пришлось отменить. Вотъ что писалъ по поводу ихъ префектъ Кальвадоса черезъ мѣсяцъ послѣ опубликованія декрета: «Цѣны на зерновой хлѣбъ все растутъ и дошли до невѣроятной цифры 75 франковъ за гектолитръ. Общественный порядокъ послѣ примѣрной расправы съ бунтовщиками хотя и не нарушается, но нищета дошла до крайнихъ предѣловъ... Де-

1) Hist. de mon temps, I, 509.

креть о таксъ обрадоваль было населеніе, но радость смѣнилась печалью, когда въ результатъ ихъ продуктъ исчезъ совершенно съ рынка. Пришлось прибѣгать къ реквизиціямъ, а въ настоящее время захватывать иногда даже необходимые для самихъ земледѣльцевъ запасы. Въ дома упорствующихъ были введены гарнизэры ¹⁾ и повсюду произведена точная провѣрка запасовъ. Виновныхъ въ дачь ложныхъ показаній немедленно арестовывали и предавали суду. Но все доступное нашей регистраціи количество хлѣба будетъ скоро исчерпано, ничтожность нашей работы не замедлитъ обнаружиться, и тогда реквизицію придется производить наугадъ, что отниметь у дѣла общественнаго продовольствія всякую почву.

Возвращеніе Наполеона изъ Россіи. (Карт. Алексѣева. 1849 г.).

Не могу подуматъ безъ ужаса о тѣхъ несчастіяхъ, которыя обрушатся на насъ, если хлѣба не хватитъ въ теченіе хотя бы дня» ²⁾.

Таковы были затрудненія, переживавшіяся правительствомъ на почвѣ экономическаго кризиса. Не менѣе серьезнымъ источникомъ народнаго недовольства были въ то время рекрутскіе наборы. Количество призываемыхъ на военную службу росло съ каждымъ годомъ; въ теченіе 1811 года было призвано уже 300.000 человекъ, а въ 1812 году общее количество рекрутовъ поднялось до 427 тысячъ. Въ солдаты забирали сплошь и рядомъ людей, не достигшихъ призывнаго возраста или по разнымъ причинамъ уже освободившихся отъ призыва: организація въ 1812 г. такъ называемой національной гвардіи имѣла спеціальною цѣлью привлечь на военную службу всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, по какимъ бы то ни было

¹⁾ Гарнизэры—экзекуціонные сыщики, которыхъ непокорные землевладѣльцы должны были содержать у себя на свой счетъ, выдавать имъ, кромѣ того, суточные деньги.

²⁾ Письмо префекта Кальвадоса къ графу Дюронелю. См. Lavalley. Op. cit.

причинамъ не поповшимъ въ солдаты. Брала безъ всякаго жребія и гарантій законности, а поповшій на службу рѣдко уже возвращался домой. Забирали въ огромномъ количествѣ и лошадей, для выкупа которыхъ не отпускалось часто никакихъ кредитовъ. Населеніе упорно и злобно боролось съ рекрутчиной. Въ горахъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ бѣжавшіе отъ военной службы соединялись въ крупныя, вооруженныя дружины, вступающія иногда въ настоящія сраженія съ отрядами посылавшихся противъ нихъ солдатъ. Другіе, чтобы не попасть на военную службу, калѣчили себя — вырывали зубы, рубили пальцы и кололи глаза; беременныя женщины съ опасностью для жизни устраивали преждевременные роды, такъ какъ рожденіе ребенка могло спасти отца отъ рекрутчины. Въ 1811 г. число неявившихся къ призыву рекрутовъ достигло 80.000. Правительству пришлось прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ — карательнымъ отрядамъ (*colonnes mobiles*), гарнизерамъ, круговымъ порукамъ, распространявшимся порой на цѣлыя общины. Наборы 1812 года были въ глазахъ населенія особенно непопулярны, въ виду непопулярности самой войны. По словамъ Паскяэ, «если недовольство, вызывавшееся ими, не доходило до открытаго бунта, то, во всякомъ случаѣ, они во всѣхъ классахъ населенія вызывали глубокую скорбь»¹⁾.

На этой почвѣ всеобщаго недовольства военщиной и экономической политикой государства большыя вопросы его внутренней и внешней политики принимали особенно острую форму. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоялъ церковный вопросъ — конфликтъ императора съ папой. Съ 1809 года папа Пій VII содержался по приказу императора въ Савонь на почти тюремномъ режимѣ. Но лишенный фактической власти надъ церковью, онъ приобрѣлъ въ глазахъ католиковъ тѣмъ большій авторитетъ въ качествѣ моральной силы, въ качествѣ символа поруганной деспотическимъ государствомъ церкви. Духовенство, которое еще такъ недавно оказывало Наполеону огромныя услуги и освящало въ глазахъ населенія его власть, теперь, въ лицѣ наиболее вліятельной своей части, переходило въ лагерь его тайныхъ и явныхъ враговъ. Въ союзъ съ роялистскимъ дворянствомъ оно стало агитировать противъ имперіи, усиленно распространяя строго запрещенную во Франціи буллу Пія VII объ отлученіи Наполеона отъ церкви. Послѣдовали крутыя мѣры вплоть до арестовъ и ссылокъ священниковъ и даже епископовъ, но это только обостряло положеніе. Попытка Наполеона объявить себя, по примѣру Генриха VIII, главою національной церкви потерпѣла полное крушеніе. Во главѣ католической оппозиціи стояла, основанная иезуитами еще въ 1801 году, свѣтская конгрегация св. Дѣвы. Сперва въ качествѣ благотворительной организаціи она существовала открыто, а затѣмъ, послѣ того, какъ правительство распустило ее, еще съ большимъ рвеніемъ дѣйствовала въ качествѣ подпольной организаціи²⁾. Упѣвая изъ Франціи, Наполеонъ былъ озабоченъ и церковнымъ вопросомъ. На специальномъ совѣщаніи министровъ было рѣшено усилить надзоръ за папой и водворить его неподалеку отъ Парижа. Уже изъ Дрездена Наполеонъ торопилъ Савари привести въ испол-

¹⁾ Hist. de mon temps, I, 500.

²⁾ См. Delidour. Histoire des rapports de l'église et de l'état en France.

неніе эту мѣру, ссылаясь на появленіе въ Генуэзскомъ заливѣ англійской эскадры, имѣющей будто бы своею цѣлью похищеніе папы изъ Савоны и водвореніе его въ Римъ. Савари немедленно исполнилъ приказъ: папа опять былъ схваченъ жандармами и подъ ихъ конвоемъ доставленъ изъ Савоны въ Фонтенебло. Изъ боязни народныхъ манифестацій его везли такъ быстро, что дорогой старикъ едва не умеръ.

Другимъ большимъ вопросомъ внутренней политики Франціи было положеніе печати и общественныхъ свободъ. Бюрократическій режимъ тѣснымъ кольцомъ охватилъ страну, стараясь задушить въ ней всѣ проявленія общественной жизни. Строившіяся одна за другой государственныя тюрьмы не пустовали никогда. Для наполненія ихъ не требовалось судебныхъ формальностей: по откровенному выраженію императорскаго указа, онѣ именно и предназначались для тѣхъ, кто «не могъ быть привлеченъ къ суду по недостатку уликъ», или «публичный процессъ надъ кѣмъ грозилъ спокойствію государства». Народное представительство не существовало даже въ той жалкой формѣ, въ какой оно сохранялось еще по конституціи VIII года: Трибунатъ былъ окончательно упраздненъ, а Законодательный корпусъ влачилъ жалкое существованіе въ качествѣ декораціи при самодержавной власти. Важнѣйшія законодательныя мѣры вплоть до утвержденія бюджета вводились императорскими декретами или, для большей торжественности, постановленіями сената, а засѣданія Законодательнаго корпуса занимались въ это время такими, не имѣющими къ законодательству никакого отношенія предметами, какъ доклады объ египетскихъ іероглифахъ или изобрѣтеніи компаса ¹⁾. Въ теченіе всего 1812 г. Законодательный корпусъ ни разу, впрочемъ, и не созывался. О положеніи при Наполеонѣ печати достаточно всѣмъ извѣстно. Извѣстно, какое значеніе онъ придавалъ ея оппозиціонному вліянію: «Если, — говорилъ онъ, — я сниму съ печати узду, я и трехъ мѣсяцевъ не останусь у власти». Ко времени русской войны узда на печати затянулась еще крѣпче. Газеты съ 1810 года были подчинены предварительной цензурѣ префектовъ, и число ихъ ограничено одной на каждый округъ; только въ Парижѣ, въ видъ исключенія, были разрѣшены три политическія газеты, не считая официальнаго «Moniteur». Нечего и говорить, что въ газеты эти не проникло ничего, что имѣло хоть косвенное отношеніе къ волновавшимъ современное общество вопросамъ. Читая ихъ, можно было подумать, что

„Опѣ!“ (Фламонъ).

занимались въ это время такими, не имѣющими къ законодательству никакого отношенія предметами, какъ доклады объ египетскихъ іероглифахъ или изобрѣтеніи компаса ¹⁾. Въ теченіе всего 1812 г. Законодательный корпусъ ни разу, впрочемъ, и не созывался. О положеніи при Наполеонѣ печати достаточно всѣмъ извѣстно. Извѣстно, какое значеніе онъ придавалъ ея оппозиціонному вліянію: «Если, — говорилъ онъ, — я сниму съ печати узду, я и трехъ мѣсяцевъ не останусь у власти». Ко времени русской войны узда на печати затянулась еще крѣпче. Газеты съ 1810 года были подчинены предварительной цензурѣ префектовъ, и число ихъ ограничено одной на каждый округъ; только въ Парижѣ, въ видъ исключенія, были разрѣшены три политическія газеты, не считая официальнаго «Moniteur». Нечего и говорить, что въ газеты эти не проникло ничего, что имѣло хоть косвенное отношеніе къ волновавшимъ современное общество вопросамъ. Читая ихъ, можно было подумать, что

¹⁾ См. Pierre. Histoire des assemblées politiques en France, 324.

ничто не интересовало тогда французовъ, кромѣ парадныхъ засѣданій сената, бракосочетаній иностранныхъ принцессъ и прорѣзыванья молочныхъ зубовъ у римскаго короля. Въ такъ называемыхъ «внутреннихъ извѣстіяхъ» они могли прочесть кромѣ этого развѣ о быкѣ, сорвавшемся съ бойни въ какомъ-то провинціальномъ городишкѣ, или о молніи, убившей крестьянскую семью, неосторожно ставшую подъ дерево во время грозы, а въ отдѣлѣ «внѣшнихъ извѣстій» объ успѣхахъ оппозиціи въ Англии и о нищетѣ англійскихъ рабочихъ, «завидующихъ счастливому жребію и довольству своихъ французскихъ товарищей» ¹⁾. Единственно полнымъ и содержательнымъ отдѣломъ былъ въ газетахъ отдѣлъ театральнѣй и литературнѣй критики, занимавшей обыкновенно три четверти всего содержанія газеты. Но даже и этотъ отдѣлъ составлялся иногда при прямомъ участіи полицейской власти. Несомнѣнные документы свидѣтельствуютъ, что правительство старалось и эстетическія наклонности гражданъ эксплуатировать въ своихъ интересахъ. Въ концѣ мая 1812 года нѣкто Лемонтэ въ письмѣ къ министру полиціи обращалъ его вниманіе на недостаточное, по его мнѣнію, количество литературныхъ и театральнѣй новостей въ парижскихъ газетахъ. «Между тѣмъ, — писалъ Лемонтэ, — это самая лучшая пища для праздныхъ умовъ парижанъ, которые за недостаткомъ ея обращаются къ политикѣ... Оживленная дискуссія по этимъ вопросамъ была бы въ настоящее время какъ нельзя болѣе умѣстной. Распредѣливъ между газетами роли, можно организовать борьбу мнѣній, которая отличнѣйшимъ образомъ займетъ вниманіе публики и послужитъ темою для разговоровъ въ салонахъ... Если ваше сѣятельство одобритъ мою идею, я при посредствѣ одного любителя итальянской музыки открою военное дѣйствіе на страницахъ «Journal de l'Empire», а черезъ г. Лакретеля постараюсь, чтобы кто-нибудь изъ чемпионовъ французской музыки, вооруженный съ головы до пятъ, выступилъ во «Французской Газетѣ». Эта маленькая война на извѣстное время отвлечетъ вниманіе отъ большой» ²⁾. Докладъ былъ горячо одобренъ министромъ, и дебаты о сравнительныхъ достоинствахъ итальянской и французской музыки на страницахъ парижскихъ газетъ, дѣйствительно, открылись и съ успѣхомъ велись въ теченіе всего лѣта.

Тяжкій полицейскій гнетъ давалъ въ странѣ постоянную пищу для республиканской оппозиціи, которая, на ряду съ роялистской оппозиціей, была для Наполеона тѣмъ болѣе опасной, что пускала глубокіе корни и въ арміи. Изъ среды офицерства по преимуществу вербовала своихъ членовъ тайная республиканская организація «филадельфовъ» ³⁾. Изъ рядовъ арміи вышелъ и самый опасный изъ республиканскихъ заговорщиковъ противъ Наполеона, генералъ Малэ.

---

¹⁾ См. Journal de l'Empire, 1812, 28 іюня и др.

²⁾ Histoire Socialiste, VI, 471.

³⁾ См. N a d i e r. Histoire des sociétés secretes dans l'armée.

2. Французское общество и событія русской войны.

Официальная жизнь Франціи съ отъездомъ Наполеона ни въ чемъ не измѣнилась. Части государственной машины работали правильно, и даже руководить ею долгое время продолжала рука императора: онъ и за границей продолжалъ получать подробные отчеты министровъ и входить въ малѣйшія детали управленія.

Официальнымъ благополучіемъ продолжала дышать и пресса. Но какъ ни старалось правительство занять вниманіе общества «маленькими войнами» на страницахъ газетъ, оно съ самаго начала было приковано къ

Солдаты великой арміи на обратномъ пути. (Л. И. Поттъ).

«большой войнѣ», непопулярность которой немедленно сказалась въ той готовности, съ которой французское общество ловило всѣ компрометирующіе военное начальство слухи и критиковало официальные сообщенія съ театра войны.

Официальные «бюллетени великой арміи» составляли въ сущности все, что жители Франціи могли узнать о войнѣ изъ газетъ, если не считать запоздалыхъ и тенденціозно подобранныхъ перепечатокъ изъ иностранныхъ газетъ и столь же тенденціозныхъ и болѣе чѣмъ безсодержательныхъ случайныхъ извѣстій. О характеръ же этихъ официальныхъ бюллетеней можно судить по тому, что сами чиновники, обязанные публиковать

ихъ, приходили нерѣдко въ смущеніе отъ ихъ содержанія. «Я помню, въ какой гнѣвъ пришелъ однажды Лавалетъ (директоръ почтъ),—говоритъ Паскъэ ¹⁾,—когда мы прочли съ нимъ въ одномъ изъ бюллетеней, что казаки дезертируютъ изъ арміи массами.

«Неужели они думаютъ,—воскликнулъ онъ,—что мы можемъ заставить кого-нибудь повѣрить этимъ баснямъ? Казаки бѣгутъ изъ арміи! Да вѣдь на войнѣ-то имъ только и пожить! Здѣсь они не теряютъ ничего и выигрываютъ все!»..

Немудрено, что и общественное мнѣніе съ большей охотой вѣрило частнымъ извѣстіямъ и слухамъ, чѣмъ тому, что писалось о войнѣ въ газетахъ. Скептическое отношеніе къ офиціальнымъ бюллетенямъ сложилось съ самаго ея начала. Извѣстіе о первыхъ успѣхахъ великой арміи въ Россіи никого не удовлетворяло; съ одной стороны, впечатлѣніе отъ этихъ успѣховъ ослаблялось неблагоприятными вѣстями изъ Испаніи, а съ другой стороны, «даже самые легковѣрные изъ парижанъ были, по словамъ Савари ²⁾, убѣждены, что дѣло шло пока объ отдѣльныхъ стычкахъ, не имѣвшихъ никакого значенія для исхода войны. Что же касается шансовъ на ея благопріятный исходъ, то они казались парижанамъ очень слабыми: слишкомъ ужъ поражала ихъ огромность лежавшаго передъ арміей пути... Ждали рѣшительной битвы, и въ сообщеніяхъ о мелкихъ сраженіяхъ видѣли только стремленіе успокоить избалованное побѣдами общественное мнѣніе»... «Послѣ взятія Смоленска,—говоритъ Савари,—всѣ желали одного—заключенія перемирія и водворенія арміи на зимнія квартиры. Толковали о томъ, что солдаты слишкомъ долго находятся въ походѣ, что, вѣроятно, одежда и обувь на нихъ совершенно растрепались и запасы провизіи скудны. Изъ сообщенія о прибытіи въ армію большихъ запасовъ муки и о закупкѣ всяческихъ продуктовъ заключали, что именно въ этихъ продуктахъ она и терпѣла нужду... Предавались и другимъ, не меньше прискорбнымъ, размышленіямъ, напримѣръ, что до сихъ поръ не удалось настичъ русскую армію, что разъ она ускользнула подъ Смоленскомъ, то ничего хорошаго не приходится ждать и отъ дальнѣйшаго движенія впередъ... Насыщали себя этими идеями и вздыхали о перемирії, какъ шагъ къ окончательному заключенію мира» ³⁾... Такое настроеніе не чуждо было даже представителямъ высшей власти.

Паскъэ передаетъ разговоръ съ морскимъ министромъ Декрэ вскорѣ послѣ полученія извѣстія о взятіи Смоленска. «Движеніе императора къ Москвѣ—безумство,—воскликнулъ министръ,—онъ думаетъ, что всякія затрудненія разрѣшатся приказомъ о новыхъ наборахъ. Правда, сенатъ предоставилъ въ его распоряженіе еще 140.000 рекрутовъ, что составляетъ въ общемъ 440.000 человекъ въ одинъ годъ, но неужели вы думаете, что веревка, натянутая такъ туго, можетъ выдержать долго?.. Нѣтъ,—говорю вамъ,—это человекъ погибшій!» ⁴⁾ Даже извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, изображенномъ въ бюллетенѣ, какъ рѣшительное пораженіе русской арміи, не измѣнило, по словамъ Савари, тревожнаго настроенія

¹⁾ Hist. de mon temps, II, 2.

²⁾ Mémoires, V, 290.

³⁾ Mémoires, V, 290.

⁴⁾ Hist. de mon temps, II, 2.